

СЕРГЕЙ КОРМИЛОВ

Воздействие официальной идеологии на советское литературоведение второй половины 40-х — первой половины 50-х годов*

На протяжении всего советского времени официальной идеологией был марксизм (с 1930-х годов — марксизм-ленинизм). Но на практике эта идеология могла до неузнаваемости трансформироваться в зависимости от политической конъюнктуры.

В 1920-е годы безусловно господствовал принцип классовости, разрывавший нацию, противопоставлявший разные общественные слои. В 1930-е он был фактически вытеснен принципом народности, понимаемым, однако, тоже в социальном плане. Классиков «реабилитировали» как «критических реалистов» и «народных писателей», сочувствовавших простому народу. Вся «прогрессивная» литература превратилась в «единый поток». Во время Великой *Отечественной* войны социальную народность вытеснила национальная. Народы вопреки подлинному марксизму были поделены на «хорошие» и «плохие», лучше всех стал русский народ, хотя признавались и его друзья (или «младшие братья»).

С августа 1946 года в обстановке начавшейся «холодной войны», когда и в идеологии Запада активизировался национализм, в СССР стала проводиться самая жесткая политика закручивания идеологических гаек. В советской идеологии соединились народность социальная и национальная. «Мы» теперь стали лучше всех в мире и как советские люди, и как русские, ведь именно русские осуществили первую социалистическую революцию. Все оригинальное в литературе и искусстве стало объявляться «формализмом», пришедшим с гнилого буржуазного Запада. Говорилось и просто об идеологических ошибках писателей и художников.

* Впервые: *Острова любви БорФеда: Сборник к 90-летию Бориса Федоровича Егорова*. СПб., 2016. С. 475–486.

Критикам в такой обстановке практически невозможно было оставаться честными, принципиальными людьми. Продолжился начавшийся в 1930-е годы их отток в литературоведение. Но, как оказалось, это тоже не было спасением.

В докладе А. А. Жданова «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» были резко противопоставлены русские революционные демократы как поборники реализма и идейные предшественники ленинизма, с одной стороны, и представители «искусства для искусства», с другой. «Чистое искусство», было сказано в докладе, не признавали «все лучшие представители русской интеллигенции»*. Лучшая традиция советской литературы возводилась к лучшей традиции XIX века — революционно-демократической. Поскольку ни о каких промежуточных традициях не говорилось, в литературоведении возобладала «двухпоточность».

Критика заговорила об упущениях в отношении классовости. Уже в октябре 1946 года Ф. Д. Левин критиковал за это учебник Л. И. Тимофеева «Современная литература», написанный в русле методологии «единого потока», в частности, за то, что автор, «забыв о той ожесточенной и непримиримой борьбе, которая шла между революционными демократами, каким был Чернышевский, и реакционерами, к которым примкнул Достоевский», поставил в один ряд Болконского и Рахметова с Алешей Карамазовым и Мышкиным, так как всех их отличали «любовь к родине... чувство долга, стремление к идеалу». Упрек относительно одного ряда был справедлив. Но Ф. Левин находил также, что у Л. Тимофеева «теория символизма мистически отрывается от ее творцов и создателей», ибо в учебнике говорится, что лучшие из них оказались выше собственной теории, «как это случилось впоследствии в творчестве Блока, Брюсова, Белого», что в символизме вообще было «здоровое начало»**. В докладе Жданова без особой заботы о точности хронологии весь период 1907–1917 годов характеризовался так: «На свет выплыли символисты, имажинисты, декаденты всех мастей, отрекшиеся от народа, провозгласившие тезис “искусство ради искусства”, проповедовавшие безыдейность в литературе, прикрывавшие свое идейное и моральное растление погоней за красивой формой без содержания. Всех их объединял звериный страх перед грядущей пролетарской революцией»***.

* Жданов А. А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». Хабаровск, 1946. С. 19.

** Левин Ф. Порочная методология // Литературная газета. 1946. 19 октября. См.: Поспелов Г. Н. Методологическое развитие советского литературоведения // Советское литературоведение за пятьдесят лет. М., 1967. С. 89–90.

*** Жданов А. А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». С. 10.

После этого о представителях поэтических течений начала XX века полагалось писать так, как, например, писал о декадентах В. Ермилов, процитировавший три строки Н. Гумилева («Барабаны, гремите...»): «Отвратительная эстетизация массового убийства, крови казалась “красивой” империалистической интеллигенции, хотя это было, говоря на простом и точном русском языке, самым доподлинным кровопийством»*. Теперь к реакционному потоку русской литературы относили Достоевского, писателей-народников, всю «чистую поэзию», «в том числе поэзию символистов во главе с Брюсовым и Блоком, акмеистов — во главе с Ахматовой и Мандельштамом, имажинистов — во главе с Есениным»**, не считаясь с тем, насколько превосходили выдающиеся поэты в своем творчестве принципы течений и направлений, к которым в то или иное время они примыкали (о чем как раз справедливо говорилось в учебнике Л. И. Тимофеева).

Еще в начале 1946 года В. Я. Кирпотин по случаю столетия литературного дебюта Достоевского отзывался о нем весьма уважительно, хотя представлял его художественные идеи более похожими на революционные, чем это было на самом деле***. Это не забылось: «В партийной печати были подвергнуты критике либерально-объективистские ошибки В. Кирпотина в его работах о Пушкине и Достоевском»****. В 1947 году, протестуя против точных слов К. Симонова о первых годах войны: «Громадная беда испытаний, горя многим тогда очистила душу», — В. Ермилов уже «побивал» его Достоевским: «Нет, советским людям не надо было “очищать душу” страданием. Это Ф. М. Достоевский призывал к “всеочищающему” страданию»*****. А в 1950 году он, приводя сцену в детском санатории из типичного для тех лет романа П. Павленко «Счастье», говорил, что она «могла бы быть написана в душе обессиливающей жалости Ф. М. Достоевского, — той жалости, которая ослабляет волю к борьбе, жизни, зовет покорно раствориться в страдании»*****. Стало быть, Павленко написал ее лучше. Годом ранее, в 1949 году, Ермилов издал и специальную работу — «Против реакционных идей в творчестве Ф. М. Достоевского». С. Борщевский в статье «Щедрин

* Ермилов В. Советская литература — борец за мир. М., 1950. С. 49.

** Пospelов Г. Н. Методологическое развитие советского литературоведения. С. 91.

*** См.: Кирпотин В. «Бедные люди» — первый роман Ф. М. Достоевского // Октябрь. 1946. № 1–2. С. 160–170.

**** Велик А. О некоторых ошибках в литературоведении // Октябрь. 1950. № 2. С. 157.

***** Ермилов В. Самая демократическая литература мира. Статьи 1946–1947 гг. М., 1947. С. 69.

***** Ермилов В. Советская литература — борец за мир. С. 57.

и Достоевский. (Из истории их идейной борьбы)» (Новый мир. 1948. № 4) подчеркивал преимущества идей Салтыкова-Щедрина перед идеями Достоевского. А. Тарасенков в статье «Горький — родоначальник и вождь советской литературы» (1947) напоминал о борьбе Горького «против культа Достоевского, особенно широко распространенного в те годы в Западной Европе. Горький сближает реакционные идеи Достоевского с Ницше и современным фашизмом»*. В. Борщук в публичной лекции говорил, что после критики со стороны В. И. Ленина Горький исправил свои ошибки, допущенные в годы реакции: его произведения 1909–1912 годов «и в особенности принципиальная борьба Горького против инсценировки “Бесов” Достоевского в Московском Художественном театре свидетельствовали о правильном пути писателя»**.

Тех же русских писателей XIX века, которые оценивались положительно, «подтягивали» к демократизму вообще и прямо к революционным демократам. Антиисторическое и неверное фактически заострение преимущественно критических начал в творчестве классиков, утверждение направленности их критики непременно против «строя» проводились, например, в книгах Ермилова о Чехове и Гоголе*** и даже в талантливых, содержащих много глубоких наблюдений исследованиях Г. А. Гуковского, написанных в 1946–1948 годах, но вследствие того, что автор в 1949 году был репрессирован, опубликованных значительно позднее: «Пушкин и проблемы реалистического стиля» (1957) и «Реализм Гоголя» (1959)****. В то время прогрессивную литературу, «представляющую основной и в своем составе единый “поток”, надо было изучать очень тщательно и всячески подчеркивать ее реализм, демократизм и народное значение, в каком бы соотношении все это ни находилось с идеологическими позициями писателей»****. Так, ничего определенного не было сказано о мировоззрении И. А. Гончарова в книге А. Г. Цейтлина «Творчество Гончарова» (1950), он просто объявлялся испытавшим влияние Белинского и русских просветителей*****. Если в критике тех лет господствующим жанром стал обзор с однотипными оценками, то в литературоведении — монография об отдельном писателе, ибо без серьезного изучения мировоззрения писателей их можно было

* Тарасенков А. Идеи и образы советской литературы. М., 1949. С. 83.

** Борщук В. И. Роль В. И. Ленина в формировании мировоззрения и творческого метода М. Горького. М., 1952. С. 37.

*** Ермилов В. 1) А. П. Чехов. М., 1954. 2-е изд.; 2) Драматургия А. П. Чехова. М., 1954; 3) Н. В. Гоголь. М., 1953.

**** См.: Поспелов Г. Н. Методологическое развитие советского литературоведения. С. 92–97.

***** Там же. С. 92.

***** Там же. С. 98–99.

соотнести друг с другом лишь на базе все тех же общих принципов реализма, народности и демократизма.

Зарубежные писатели оценивались еще более произвольно и несправедливо, чем русские. А. Жданов, навсегда привязав Ахматову и Зощенку к акмеистам и «серапионовым братьям», непонятно почему провозгласил, что для тех и других «общим родоначальником является Гофман, один из основоположников аристократическо-салонного декадентства и мистицизма»*. А. Тарасенков в статье «Космополиты от литературоведения» (Новый мир. 1948. № 2) обвинял как упадочников всех учителей и предшественников русских символистов и акмеистов — «Ницше и неокантианцев, Уайльда и Бодлера, Верлена и Пшибышевского, Леконта де Лилля и Теофиля Готье»**, а также Э. По, который аттестовался как «один из родоначальников мирового декаданса, писатель крайне враждебный нам, склонный к мистике, положивший начало всему жанру так называемой детективной литературы, с ее нарочитой социальной выхолощенностью и развлекательностью, духовный отец современных американских ганстеровских новелл и фильмов» (с. 51). Э. По стал объектом критики и в работе специалиста-американиста Мориса Мендельсона, посвященной главным образом издевательской проработке У. Фолкнера, Дж. Стейнбека (исключение делалось для ранних «Гроздьев гнева»), Т. Уайльдера, Ю. О'Нила и других современных американских писателей***. Тот же А. Тарасенков в статье «Советская литература на путях социалистического реализма» (1948) сообщал: западные буржуазные критики «чаще всего прибегают к облыжному обвинению наших писателей в том, что они, дескать, “конформированы”: все пишут якобы по одному шаблону и потому не способны показать многообразие людей. Больше всего на свете все эти господа ценят в искусстве “ярко выраженную индивидуальность”, подразумевая под этим всевозможные болезненные декадентские изломы разных Андре Жидов и Сартров. <...> Реакционный французский писатель Франсуа Мориак, яростный враг социалистического строя, заявляет, что в социализме-де нет места человеческой личности <...>» (с. 17). Генрих Ленобль с искренним изумлением и негодованием писал, что «С. Могэм в качестве “ярого патриота” прославляет... Макиавелли, а А. Мальро, по сообщениям французской печати, избирает своим героем... Лоуренса»****. И. Эренбург впоследствии вспоминал, что было

* Жданов А. А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». С. 12.

** Тарасенков А. Идеи и образы советской литературы. С. 46. Далее страницы этого сборника статей указываются в тексте.

*** Мендельсон М. Американские Смертяшкины // Новый мир. 1948. № 12. С. 205–221.

**** Ленобль Г. История и литература // Новый мир. 1947. № 12. С. 231.

в 1949 году: «Я прочитал “Правду” от 1 мая. В статье одного литератора были суровые отзывы о писателях Запада. Синклера Льюиса называли “грязной душонкой”, Хэмингуэя — “потерявшим совесть снобом”, Фейхтвангера — “литературным торгашом”^{*}. Ни один из всех этих писателей не попал даже в изданную в 1955 году «Хрестоматию по зарубежной литературе XX века (1917–1945)» (составители Я. Н. Засурский и Р. М. Самарин), куда, однако, были включены стихи Мао Цзэдуна и маршала Чжу Дэ. А. Фадеев в статье «Задачи советской литературы» (1947) вполне по-ждановски утверждал, что за исключением ряда прогрессивных писателей современная «западная литература разъедена, как язвой, явлениями упадка, полна крайнего индивидуализма, мистики, нездоровой сексуальности и отличается формальными вывертами»^{**}. Так к ней и относились критики и литературоведы.

Прогрессивная зарубежная литература прошлого оценивалась более уважительно, хотя, например, Алиса Марголина бросила упрек самому Фадееву как автору статьи «Задачи литературной критики» в том, что он перехвалил буржуазный реализм Бальзака — все-таки писателя не революционного мировоззрения (а также «романтизм» А. Н. Островского: «<...> нет нужды поднимать Островского периода его славянофильских увлечений, периода народных драм»^{***}). Но крайнее неприятие стали вызывать сделанные ранее, в том числе и достаточно давно, заявления о влиянии западных писателей на русских. А. Тарасенков раскритиковал за это книги по истории французской, английской и американской литератур, выпущенные ИМЛИ, и статью Б. Эйхенбаума о Л. Толстом и влиянии на него Шопенгауэра (с. 51–55), прибавив затем к критике советских литературоведов брань по адресу М. Пруста, А. Жюльена, Джойса, Селина, Дос-Пассоса и Сартра (с. 56). З. Паперный проделал соответствующую работу относительно воздействия западных писателей и их тем на Пушкина. Он подверг критике М. Азадовского, В. М. Жирмунского, А. Ахматову как автора статьи «“Адолф” Бенжамена Констан в творчестве Пушкина», Б. В. Томашевского, А. Цейлина, В. Кирпотина (его книга 1936 года «Наследие Пушкина и коммунизм» до этого критиковалась В. В. Новиковым^{****}), некоторых

* Эренбург И. Собр. соч.: в 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 587.

** Фадеев А. За тридцать лет. М., 1959. 2-е изд. С. 375.

*** Марголина А. О новаторстве и традициях // Октябрь. 1947. № 8. С. 189.

**** Новиков В. Великий русский поэт // Знамя. 1949. № 6. С. 148. В новейшем пособии по истории литературоведения упоминается появившаяся в «Литературной газете» от 15 октября 1947 г. «заметка некоего В. Новикова под названием “Особое мнение профессора Г. Н. Поспелова”» (Хализев В. Е., Холиков А. А., Никандрова О. В. Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы). М.; СПб., 2015. С. 90), на-

других авторов и, кроме того, сборник «Пушкин — родоначальник новой литературы» (1949), но уже за то, что у некоторых его авторов Пушкин имеет лишь «формальное» значение для русской литературы или не связан с писателями последующих поколений*. А. Фадеев в статье «Литературоведение и критика» (1949) тоже осуждал А. Цейтлина, С. Бонди, Б. Томашевского за то, что они в работах 1941 года писали о существовании для Пушкина западноевропейских образцов, и говорил о недооценке патриотизма русских поэтов, о «едином потоке» и формализме в справочном аппарате изданий «Библиотеки поэта»**.

Кое-какие заявления и выводы ряда литературоведов о влияниях были действительно неглубокими, недостаточно доказательными. Их язвительно высмеивал Тарасенков: «Попробуйте описать героя, который прихрамывает на одну ногу, и тотчас к вашим услугам появится мощный отряд литературоведов, которые будут доказывать, что это следствие влияния на имя рек трех китайских, пяти американских и семи французских драматургов и романистов XV, XVI и XVII веков» (с. 57).

Поскольку тогда было принято искать персональных виновников провозглашенных бед, таковой еще в 1947 году был найден в лице компаративиста А. Н. Веселовского (1838–1906). Возможно, Александра Веселовского перепутали с его братом Алексеем, автором книги «Западное влияние в новой русской литературе» (пять изданий с 1883 по 1916 год). Веселовского, не читая, осудили в журнале «Октябрь» А. Фадеев («Задачи литературной критики», № 7) и В. Кирпотин («Об отношении русской литературы и русской критики к капиталистическому Западу», № 9). В защиту наследия Веселовского решительно выступили В. Ф. Шишмарев («Для Все-

правленная против научного наследия А. Н. Веселовского и защищавшего его Поспелова. «Некий В. Новиков» (Василий Васильевич), специализировавшийся по советской литературе, — впоследствии член-корреспондент Академии наук СССР.

* См.: Паперный З. В борьбе за подлинного Пушкина // Пушкин в школе. М., 1951. С. 179, 187–192. Возможно, автор тогда высказывался во многом вопреки своим убеждениям. Через много лет, приветствуя перестройку, он самокритично писал: «В школе трусости мы уже побывали. Что ж, будем переучиваться» (Паперный З. Разделяя свою точку зрения... // Взгляд. Критика. Poleмика. Публикации. М., 1988. С. 459).

** Фадеев А. За тридцать лет. С. 536. А. Г. Дементьев писал, что в изданиях Тютчева и Есенина в «Библиотеке поэта» «включались стихотворения, идейно и художественно неприемлемые», обвинял тех, кто добился издания таких реакционных поэтов, как С. Шевырев, К. Павлова, В. Бенедиктов, К. Случевский, И. Анненский, Ф. Сологуб, А. Белый, В. Хлебников (Дементьев А. Серьезные ошибки «Библиотеки поэта» // Литературная газета. 1949. 24 сентября).

ловского показателен <...> не факт учения у “второстепенных деятелей”, а критического отношения к западноевропейской науке, наличие своей, русской точки зрения, которая проходит через всю его жизнь»^{*}) и В. Б. Шкловский («А. Веселовский был великим ученым, был патриотом. Он обладал необыкновенной памятью, но не обладал методом. Это слепой Самсон; однако он не разрушал храм, а пытался его воздвигнуть. Но строил он, не зная, что строить»^{**}), гораздо менее решительно — Н. А. Глаголев, который оспори́л сближение взглядов Веселовского с концепцией Чернышевского и Добролюбова, предпринятое В. М. Жирмунским и А. Н. Соколовым, назвал Веселовского буржуазными либералом и сделал вывод, что у него «нашли свое отражение лучшие черты, характеризующие развитие русской буржуазной науки в области литературоведения. Но не следует забывать, — добавлял Глаголев, — что это была эпоха, когда уже обозначилась вполне ведущая роль марксистской теории в разрешении коренных философских и эстетических проблем»^{***}, — т. е. упрекал Веселовского в том, что он не стал марксистом.

Настоящему разгрому подвергли Веселовского те, кто меньше всего разбирался в академическом литературоведении. Так, И. Дмитриков и М. Кузнецов, попутно поругав других авторов, писавших о русской словесности в прошлом веке, признали, что Веселовский «был наголову выше современных ему западноевропейских буржуазных литературоведов», но отказали ему в чести быть предшественником советского литературоведения: «А ведь именно так стараются представить дело и академик В. Шишмарев, и профессор В. Жирмунский, и профессор Г. Пospelов, и некоторые другие советские литературоведы. Академик А. С. Орлов так-таки прямо и призывал наших последователей двигаться вперед, опираясь на Веселовского с девиацией на марксизм»^{****}. Вслед за В. Кирпотиным И. Дмитриков и М. Кузнецов смело оспаривают академиков и профессоров, заявляя, что между Веселовским и марксизмом непроходимую пропасть кладут «идеализм Веселовского, его метафизичность, выражающаяся в эволюционной теории, и, наконец, буржуазный объективизм»^{*****}. Здесь же содержался призыв «дать сокрушительный отпор буржуазным экспансионистам, клеветнически вопящим о второсортности

* Академик *Шишмарев В. Ф.* Александр Веселовский и его критика // Октябрь. 1947. № 12. С. 159 (Шишмарев был автором небольшой книжки «Александр Веселовский и русская литература», 1946).

** *Шкловский В.* Александр Веселовский — историк и теоретик // Там же. С. 178.

*** *Глаголев Н.* К вопросу о концепции А. Н. Веселовского // Там же. С. 184.

**** *Дмитраков И. и Кузнецов М.* Александр Веселовский и его последователи // Там же. С. 167.

***** Там же. С. 168.

славянских народов, о несамостоятельности русской культуры»^{*}. Действительно, это была реакция на антирусскую и антиславянскую западную пропаганду, но реакция, отнюдь не способствовавшая повышению международного авторитета советской России.

Совсем грубую брань обрушил на Веселовского А. Тарасенков. «Тов. В. Я. Карпотин допустил ошибку, когда он считал, что в наследстве Веселовского есть нечто, могущее быть перенятым нашей наукой» (с. 64), — заявил критик. В статье «Космополиты от литературоведения» шельмуется ряд советских литературоведов, в том числе В. М. Жирмунский, именуемый Жирмундским (с. 45, 58), особенно настоятельно — В. Я. Пропп, его книга «Исторические корни волшебной сказки» (критикованная также Дмитраковым и Кузнецовым за выхолащивание из сказки ее философии и социального наполнения^{**}, а в сущности, за типологический подход). Тарасенков возмущается цитированием работ зарубежных ученых. «От лопарского мифа, — пишет критик о выдающемся фольклористе, — он легко перескакивает к австралийскому обряду, по которому, принимая в родовой союз нового члена, люди пьют кровь друг друга. Тут же ссыла на Швейнфурта, немецкого ученого, исследователя Африки, который отметил обряд смешения и питья крови у негров ньям-ньяма, а Велльгаузен (немецкий богослов и ориенталист) у арабов.

Цепь у нашего исследователя замкнута. Родство приемов и мотивов сказки русского народа с каннибальскими обычаями ньям-ньямов, подтвержденное авторитетом Швейнфурта, “доказано”.

Неужели Пропп не понимает, что он клеветает здесь на русский народ, на наш прекрасный эпос, в котором никогда не было ничего общего с каннибализмом?» И ниже: «Книга Проппа — это Веселовский, доведенный до абсурда и мракобесия» (с. 59–60).

В 1950 году А. Белик, похваливший эту статью нелюбимого им за «эстетско-буржуазные вкусы и привязанности» А. Тарасенкова^{***}, разнес одного из официальных руководителей академического литературоведения А. М. Еголина (попавшего в опалу вследствие его разгульной жизни), в частности, за протаскивание «осужденной партией веселовщины», которая «в институте литературы Академии наук все еще не вытравлена»^{****}. На самом деле Еголин как автор книги «Освободительные и патриотические идеи русской лите-

* Там же. С. 173. А. Тарасенков призывал гордиться культурой «родственных нам славянских народов, литературу которых, к стыду нашей науки, даже еще не начали как следует изучать» (с. 64).

** *Дмитраков И. и Кузнецов М.* Александр Веселовский и его последователи. С. 171.

*** *Белик А.* О некоторых ошибках в литературоведении. С. 159, 164.

**** Там же. С. 152–153.

ратуры XIX века» (1946) был повинен скорее в «единопоточности». А. Белик предъявлял ему претензии именно в связи со свойственной методологии «единого потока» недооценкой социально-классовых категорий. Сам критикующий категорически не признает других, осуждая «либеральные рассуждения автора о таких характерных, по его мнению, чертах русской литературы, как “человечность”, “справедливость”, борьба за идеалы человечности, правды, уважение к человеческой личности и т. п.»*. Еголин провинился перед А. Беликом и в том, что не сосредоточил внимание на борьбе русских классиков XIX века с космополитизмом.

Таким образом, литературоведение конца 40-х — начала 50-х годов фактически во многом превратилось в дурного толка критику, грубое осовременивание и приспособление материала русской и зарубежной литературы к политическим установкам и уровню мышления тогдашних критиков**. Немало замечательных ученых в тот период было изгнано из университетов и институтов, некоторые были арестованы и погибли (Г. А. Гуковский, И. М. Нусинов).

Был арестован и отправлен в лагерь Л. Е. Пинский. «В Московском университете были уволены А. А. Аникст, Т. Л. Мотылева, А. А. Белкин (первые два — также из Института мировой литературы)***. В Ленинграде шельмованию и изгнанию с работы подверглись самые крупные ученые: В. М. Жирмунский, М. К. Азадовский, Б. М. Эйхенбаум, Б. В. Томашевский и др. Возглавляли и организовывали «борьбу с космополитизмом» в ЛГУ, Пушкинском Доме и ЛГПИ им. А. И. Герцена специально присланный для этого из Москвы А. А. Волков, А. Г. Дементьев, Г. П. Бердников, Н. С. Лебедев, Н. Ф. Бельчиков, А. С. Бушмин, В. А. Ковалев, А. М. Докусов****. Они заставили выступить против выдающихся ученых многих их коллег, в том числе аспиранта Ф. А. Абрамова; но «лишь отдельные представители профессорско-преподавательского состава ЛГУ добровольно стали проработчиками. Большинство же разоблачителей были всего-навсего жертвами принуждения»*****.

* Там же. С. 152.

** См. также: Азадовский К., Егоров Б. О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949 // Звезда. 1989. № 6. С. 157–176.

*** Там же. С. 165.

**** Там же. С. 162–164, 166–168, 172–175.

***** Там же. С. 170. «А в 1951 г. после очередной травли не станет и В. М. Алексеева» (Смирнов И. С. Китайская поэзия в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях. М., 2014 (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. Вып. IV). С. 599). Академик «В. М. Алексеев — крупнейший российский китаевед XX столетия и последний в этой области ученый-универсал, изучавший весь, как и выражался, “китайский культуркомплекс” <...>» (там же. С. 591).

Вместе с тем в этот период довольно благополучно существовало литературоведение, связанное или связываемое с историко-революционной тематикой. Вполне добротными были, например, книги В. Г. Базанова «Поэты-декабристы» (1950), «Очерки декабристской литературы» (1953) и др. Трудно сказать, была ли наиболее близкой В. Н. Орлову тема его книги «Радищев и русская литература» (2-е, доп., изд., 1952), но автор отнесся к ней добросовестно. Большим фактическим материалом насыщена монография Д. Д. Благого «Творческий путь Пушкина. 1813–1826» (1950), отмеченная в 1951 году Сталинской премией. Вышли исследования Н. И. Кравцова о сербском и болгарском фольклоре и другие серьезные труды.

Вскоре после смерти Сталина, 9 июня 1953 года, «Правда» напечатала передовую «Преодолеть отставание литературоведения». В ней констатировались слабая связь литературоведения с жизнью и плохая изученность многонациональной советской литературы, неудовлетворительная разработка вопросов эстетики и теории литературы, отсутствие работ по теории социалистического реализма, книг по истории эстетики, в частности по эстетике Белинского, Чернышевского, Добролюбова (это было скорее данью ритуальному уважению к ним, на самом деле их наследие изучалось тогда больше чего бы то ни было иного), разрыв между литературоведением и критикой (имелось в виду предпочтение многими литературоведами литературы прошлого в качестве объекта изучения). Осуждались пережитки вульгарного социологизма, понимаемого теперь уже совершенно нетерминологически — как беглый пересказ идеи произведения без внимания к художественному мастерству. Призыв к борьбе мнений, творческим дискуссиям, обсуждениям литературоведческих книг во многом дезавуалировался, однако, идеологическим штампом насчет обязательной критики и самокритики*, за которым маячил призрак недавних проработок.

Все же после смерти Сталина уволенные ученые стали возвращаться в университеты и институты, но пережитое мало для кого прошло бесследно. В ЛГУ филологическая наука, как свидетельствовали в 1989 году К. М. Азадовский и Б. Ф. Егоров, «до сих пор не может оправиться от нанесенного ей в те годы удара...»**

Возвращение неконъюнктурного литературоведения радовало не только ученых, но и активных деятелей текущего литературного процесса. Не случайно А. Т. Твардовский по рекомендации Н. К. Гу-

* Русская советская литературная критика (1935–1955). Хрестоматия. М., 1983. С. 41–42.

** Азадовский К., Егоров Б. О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949. С. 172.

дзия охотно напечатал в «Новом мире» (1953. № 9) к 125-летию со дня рождения Л. Н. Толстого статью на, казалось бы, не очень подходящую журнальной критике тему: «Особенности сатиры Льва Толстого» — никому не ведомого выпускника МГУ Марка Шеглова. Чуть позже тот же автор, рецензируя опубликованную М. Ильиным и Е. Сегал в серии «ЖЗЛ» биографию А. П. Бородин (Жизнь замечательного человека // Новый мир. 1954. № 1), подметил характерный методологический порок тогдашнего литературоведения и искусствознания, хотя и отнес его только к этому изданию, — соблазн «революционизировать» описываемую личность. «Вообще прогрессивный лагерь в русской культуре XIX века выглядит в книге несколько сглажено и идиллически. <...> Во всяком случае, острая идейная борьба в прогрессивном крыле искусства почти не просматривается в книге. <...> Это приводит к тому, что иной раз в книжке говорится одно и то же о двух уже вовсе разных деятелях»*.

В крайне плачевном состоянии пребывала история советской литературы, хотя идеологическая ориентация на современность, на советскую действительность давала свои результаты. В статье 1958 года «Разговор по поводу...» А. Н. Макаров писал: «В послевоенные годы внимание критики к вопросам истории советской литературы значительно усилилось. Вошел ряд монографий, среди которых выделяются фундаментальностью исследования книги В. Перцова о Маяковском, Л. Якименко «“Тихий Дон” М. Шолохова» и довольно большое количество литературно-критических очерков о писателях-современниках. Вышел также двухтомный «Очерк истории русской советской литературы» (1954), однако этот труд, думается, не вызывает энтузиазма даже у коллектива его составителей. Освещение истории литературы в нем носит крайне узкий и прямолинейный характер. К тому же книга написана таким уныло-докладным языком, что и читать-то ее можно разве только в наказание, как в свое время «Телемахиду» Третьяковского. В ней творчество многих писателей совершенно обойдено, хотя и не по вине ее авторов»**.

Среди писательских имен по-прежнему вне конкуренции оставалось имя Горького. О нем больше всего печаталось книг***. Но посте-

* Шеглов М. Любите людей. Статьи. Дневники. Письма. М., 1987. С. 338, 341.

** Макаров А. Идущим вослед. М., 1969. С. 801. Книга В. Перцова «Маяковский. Жизнь и творчество» (т. I) вышла в 1950 и 1951 годах (см. рецензию: Тимофеев Л. Ценная книга о Маяковском // Октябрь. 1951. № 9), монография Л. Якименко — в 1954.

*** См.: Пиксанов Н. К. Горький и национальные литературы. М., 1946; Мясников А. С. М. Горький. Очерк творчества. М., 1953; Михайловский В. В., Тагер Е. Б. Творчество М. Горького. М., 1954. 2-е изд.; Михайлов-

пенно вспоминались имена, ранее нежелательные или вызывавшие настороженное отношение. На Втором съезде советских писателей (1954) В. Каверин рисовал свое представление о советской литературе будущего, которая, помимо прочего, «помнит и любит свое прошлое. Помнит, например, что сделал Юрий Тынянов для нашего исторического романа и что сделал Михаил Булгаков для нашей драматургии»*. В 1955 году впервые после 30-летнего перерыва Булгаков появился в печати — вышла книга «Дни Турбиных. Последние дни (А. С. Пушкин)».

В том же 1955 году появился двухтомник С. Есенина со вступительной статьей К. Зелинского; в альманахе «Литературная Рязань» (1955. № 1) была опубликована статья Ю. Прокушева «Сергей Есенин». Тогда же вышли двухтомник В. Брюсова с вступительной статьей А. Мясникова, подготовленные В. Орловым двухтомник и том «Стихотворения» (в «Библиотеке поэта») А. Блока. Блок и раньше не был совершенно обойден литературоведением, но статьи и комментарии В. Орлова были подготовлены на совсем другом уровне, чем испытывавшая воздействие «двухпоточности» книга А. Мясникова «А. А. Блок» (1949). Все же и в 1955 году Блока еще приходилось как-то «оправдывать». Павел Антокольский начал свою статью в нем с цитирования Маяковского (стихотворного описания встречи с Блоком в одну из ночей после Октябрьской революции) и сопоставления двух поэтов, одного — казавшегося оценочно бесспорным, второго — казавшегося спорным: «Маяковский гораздо традиционнее, гораздо глубже вскормлен всеми корнями русской поэтической культуры, нежели это кажется поверхностному взгляду, а Александр Блок гораздо сильнее устремлен в будущее, нежели принято думать по обычным литературоведческим схемам». Аргумент в пользу Блока — то, что он и Маяковский «протянули друг другу руки у солдатского костра»**, гражданская совесть, рано пробудившаяся в поэте. Утверждая право называть Блока «и учителем и предшественником», Антокольский заканчивает свою небольшую статью тоже цитатой: по воспоминаниям К. Федина, Горький не сразу подобрал слово, которым можно было бы охарактеризовать Бло-

ский Б. В. Драматургия М. Горького эпохи первой русской революции. М., 1955. 2-е изд.; *Касторский С. В.* Статьи о Горьком. Л., 1955. 2-е изд.; *Волков А. А.* М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX вв. М., 1954; *Панков В.* Советская действительность в изображении М. Горького. М., 1955.

* Второй Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1956. С. 170.

** *Антокольский П.* Александр Блок (к 75-летию со дня рождения) // Новый мир. 1955. № 11. С. 241.

ка, и наконец сказал: «Человек»*. Авторитет Горького и Маяковского здесь пока еще подпорка вновь утверждаемому авторитету Блока.

Очень трудно шла реабилитация такого классика русской литературы, как Достоевский. В конце 1955 года В. Ермилов, публикуя в «Новом мире» главы своей монографии о нем, называл Достоевского великим, но в первой же фразе «прикрывался» опять-таки Горьким: «Великий русский писатель, о котором Горький сказал, что по силе художественной изобразительности его талант может быть равен только Шекспиру, Ф. М. Достоевский выразил своим творчеством безмерность страданий униженного и оскорбленного человечества в эксплуататорском обществе и безмерную боль за эти страдания. И, вместе с тем, он яростно сражался против каких бы то ни было поисков реальных путей борьбы за освобождение человечества от унижения и оскорбления»**. Ермилов настойчиво подчеркивал противоречия Достоевского, идеализацию им страдания. Главное его достоинство усматривалось в показе несправедливостей общества (например, «Преступление и наказание» оценивалось так: «Объективным содержанием романа является полная невозможность найти какие-либо человеческие выходы, если оставаться на почве этого общества, в пределах его действительности и его сознания»***), недостатков же и идеологических провинностей у Достоевского выделялось великое множество: например, «Братья Карамазовы» определялись как «церковнический роман» (это еще сравнительно мягкое определение среди других), написанный в «большой степени по прямому заказу правительственных кругов»****. Заканчивалась публикация чисто демагогическим возгласом на бумаге: «В содрогании Достоевского перед бесчеловечными законами жизни было немало правды.

Но мы знаем: наступит время, когда не будет проливаться ни одна слезинка замученного ребенка на всем белом свете. Победа будет за теми, кто ведет героическую борьбу против всякого унижения и оскорбления человека!»*****

После откровенного шельмования Достоевского на рубеже 40–50-х годов это был уже прогресс.

В начале 1956 года отмечалось 75-летие со дня смерти Достоевского. «Литературная газета» 9 февраля откликнулась на юбилей статьями Б. Мейлаха «Сила художника», В. Кирпотина «Достоев-

* Там же. С. 246.

** Ермилов В. Ф. М. Достоевский // Новый мир. 1955. № 12. С. 159.

*** Там же. С. 172.

**** Там же. С. 201.

***** Там же. С. 202. Лишь совершенно незначительными редакционными изменениями отличался от журнального текста текст книги: Ермилов В. Ф. М. Достоевский. М., 1956.

ский в Сибири», И. Анисимова «Достоевский и его “исследователи”» (последняя статья была прямо направлена против недавних нападок на наследие великого писателя). За несколько дней до открытия XX съезда КПСС в Колонном зале Дома союзов состоялся торжественный вечер, на котором с докладом выступил В. Ермилов*, удививший на сей раз своим протеизмом даже издавших виды: всем были памятли его недавние разгромные высказывания о Достоевском.

Литературоведение в целом хотя и медленно, но возвращалось на свои собственные, научные позиции. Труднее всего давалось осмысление зарубежной литературы XX века. Критика повторяла прежние штампы о ней: «Теперь, открыто отвернувшись от народа, реакционное, буржуазное искусство навсегда оторвалось от правды, от человека», «Современное разлагающееся буржуазное искусство переживает процесс распада формы, идущий в двух главных направлениях. Первое — усложненность произведений таких декадентов, как Джойс, Пруст. Второе — безвкусный примитив ремесленнических “комиксов” и литературы массового стандартного производства»**. Замечание относительно примитива было верно, но литературы массового стандартного производства более чем хватало и в Советском Союзе.

Методологически от заявлений критиков не отличались и заявления профессиональных историков зарубежной литературы, например, Я. Н. Засурского и Р. М. Самарина: «В условиях нарастающего всеобщего кризиса капитализма все ниже и ниже падала литература империалистической реакции, антинародная, чуждая подлинному искусству. Противники империалистической реакции, передовые зарубежные писатели выступали и выступают как хранители лучших национальных традиций своих народов, как художники-реалисты, стремящиеся писать правду. Они ищут новых путей для развития искусства, учатся у советских писателей»***.

Реально под эти критерии подводились лишь очень немногие писатели. «Американская литература в первом послевоенном десяти-

* См.: Хроника литературной жизни // История русской советской литературы: в 4 т. М., 1971. Т. 4. С. 610.

** Шербина В. В. И. Ленин и проблема народности литературы // Новый мир. 1954. № 1. С. 207, 211.

*** От составителей // Хрестоматия по зарубежной литературе XX века (1917–1945). М., 1955. С. 3. Современная оценка некоторых литературоведов той эпохи: об отдельных позитивных деяниях можно сказать, говоря «и о таких далеко не положительных фигурах, как В. В. Ермилов, Я. Е. Эльсберг, Р. М. Самарин, которые, нет сомнений, были литературоведами-профессионалами, не лишенными дарований» (Хализев В. Е., Холиков А. А., Никандрова О. В. Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы). С. 104).

летию исчерпывалась в СССР тремя именами: Теодор Драйзер, Говард Фаст, Митчелл Уилсон. Огромного мира за нашими границами словно и не существовало»*. Только в сентябре 1955 года к советскому читателю вернулся Э. Хемингуэй: в новом журнале «Иностранная литература» появилась его повесть «Старик и море». «Однако реабилитация Хемингуэя шла долго, трудно, с зигзагами и поворотами», — вспоминала Р. Д. Орлова, делая примечание: «В учебные программы филологических факультетов книги Хемингуэя вошли лишь с 1972 года»**. Ничуть не проще обстояло дело с приобщением советских читателей к творчеству многих других выдающихся зарубежных художников. Их официальные репутации и популярность у читателей нередко значительно расходились или даже были противоположными. Но в основном это лежит уже за пределами первого послевоенного десятилетия.

* Орлова Р. Русская судьба Хемингуэя // Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 90.

** Там же. С. 93.